ЛЕЩИЙ
СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ
18+

Иван Серебрилин

Леший

«Автор»
2026

Серебрилин И. Ю.

Леший / И. Ю. Серебрилин — «Автор», 2026

Алексий никогда не думал, что однажды вернётся туда, откуда когда-то уехал вместе с матерью, — в маленькую деревню у подножия Синей горы. Место, которое он почти забыл, встречает его странной тишиной, старыми преданиями и людьми, словно живущими по законам давно исчезнувшего мира.Здесь лес хранит слишком много тайн, а прошлое семьи оказывается гораздо ближе, чем Алексий мог предположить. Странные голоса, пугающие видения и древние поверья постепенно заставляют его усомниться в том, что ещё вчера казалось очевидным.Пытаясь разобраться в происходящем, Алексий всё глубже погружается в историю Синей горы — туда, где христианские молитвы соседствуют с древними легендами, а граница между реальностью и мифом становится всё тоньше.Иногда, чтобы понять настоящее, приходится вернуться туда, откуда ты когда-то бежал.

© Серебрилин И. Ю., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Конец ознакомительного фрагмента. 9

Иван Серебрилин
Леший

Глава 1

Двадцать седьмого числа седьмого месяца две тысячи двадцать шестого года от Рождества Христова довелось мне оказаться в средней полосе необъятной нашей Родины.Ранним июльским утром, прохладным, но всё ж таки уже согреваемым первыми лучами алой зари, стоял я на перроне нижнетагильского обветшалого вокзала со своей увесистой армейской сумкой, набитой парой рубашек, футболок, штанов и прочего скарба.

Прошло чуть больше суток со звонка, который разделил мою жизнь на до и после. Днём двадцать пятого числа мне позвонила бабушка и в нарочито сухой, твёрдой манере, присущей советскому пролетариату, сообщила о том, что моего отца больше нет.Признаться, своего отца я совсем не помнил. Мы с мамой с самого детства проживали в столице, а отец — где-то на Урале. У меня было о нём несколько ярких полупрозрачных воспоминаний, за достоверность которых я не ручаюсь, но в основном он был для меня ежемесячно отчисляемыми на счёт матери алиментами и хриплым голосом в телефонной трубке. Но всё равно, как бы ты ни был далёк от своей крови, смерть родного человека глубоко ранит сердце. Всегда думаешь о том, что всё могло быть иначе, об упущенном времени.

И вот теперь стоял я на этом обшарпанном и облизанном годами бетонном перроне, смотрел на двухэтажное здание вокзала, на котором яркими красными буквами было выведено название города, и думал: почему же я никогда раньше не приезжал сюда?..Доехать мне надо было до посёлка Баранчинский в Кушвинском муниципальном округе Свердловской области. В других обстоятельствах я ни за что в жизни не решился бы ехать в такое захолустье, но теперь у меня не было даже доли сомнений.Мой чёртов начальник, оторванный от жизни миллионер, поднявшийся в начале двухтысячных на различного рода околозаконных мутных схемах, угрожал мне увольнением, если я внезапно брошу всё и уеду на похороны. Ведь я должен был выступать в трёх различных судебных заседаниях подряд по личному проекту начальника, в рамках которого, буду честным, он стриг бабки с бабушек в СНТ, которое крышевал. Я работал неофициально, и всё это дело лежало тяжёлым грузом на моей совести. И хоть молодому юристу без связей найти работу и получить опыт тяжко, я послал всё к чертям и ушёл по-английски из этой пародии на фемидову службу.

Поэтому сейчас я ощущал во всех планах наступление неизвестного, зловещего и мрачного периода своей жизни.Погода стояла дождливая и ветреная, а один из наших знаменитых агрегаторов такси, к сожалению, в этот день не мог предложить ни одной машины, на которой этим утром согласились бы довезти меня до Баранчинского. Благо от Нижнего Тагила до посёлка с завидной регулярностью ходят электрички, чем я, собственно говоря, и воспользовался.Уже через какой-то час я тихо себе трясся в стареньком зелёном вагоне, прижавшись лбом к холодному стеклу, щедро усеянному с внешней стороны крупными каплями ливня, и наблюдал, как удаляющаяся прочь серая хтонь постсоветской разрухи медленно, но верно сменялась глубиной и размахом русской природы.Качаться в поезде мне предстояло недолго — до станции Баранчинская составу ехать было меньше часа. И всё это время я провёл в собственных мыслях, пока фоном в наушниках «Моя волна» предлагала мне слушать что-то не моё.

Мои мысли возвращались к отцу. Я никак не мог вспомнить его лица, как бы ни старался, не мог вспомнить нашу последнюю встречу и понять, почему от этой потери так ноет у меня в груди. Когда умерла мама несколько лет назад, он даже не приехал на её похороны, даже не позвонил. Я ненавидел его, презирал, желал ему смерти и мучений. И вот теперь, когда всё

сбылось, я чувствовал только чёрную пустоту внутри себя, от которой нигде не мог укрыться. Пожалуй, я бросил всё в этом мире, чтобы в этом глухом краю отыскать ответы. Ответы, которые заполнили бы эту пустоту.

Примерно через сорок минут пути внимание моё привлекло к себе внушительное возвышение, покрытое густыми зарослями деревьев, чем-то напоминающее мне дракона из сказок, закопавшегося в груду золота. Уже позже я узнал, что это Синяя гора, местная достопримечательность посёлка Баранчинский.Не знаю, что такого было в этой горе, но я буквально не мог отвести от неё глаз. Она манила меня к себе, и чем дольше я рассматривал её, тем больше мне казалось, что я замечаю в глубине деревьев огни, вспышки, факелы, каких-то людей без одежды, искривлённых в неестественных и пугающих позах. Чем дольше я всматривался в эти видения, тем труднее было отличить свободный полёт моей больной фантазии от реальности, тем сильнее глаза мои застилала багровая муть... В голове белым громким шумом звенело, а давление нарастало с каждой секундой так, что хотелось схватиться за голову. Внезапно за этим звоном я уловил тихий неразборчивый шёпот, который звучал как голос приближающегося издалека монаха. Он становился всё громче и громче, пока не начал разрывать мне голову своей невразумительной речью, и мне казалось, будто я уже вижу, чувствую эту чёрную фигуру в длинном балахоне. Он подходит ко мне, он кричит мне в уши и ведёт своими гнилыми ногтями по моему мозгу, как гвоздём по стеклу:

— ...Молодой человек, предъявите проездной билет, — прозвучал хриплый голос зрелой кондукторши, теребившей меня за плечо тяжёлой рукой.

— А?.. Да... Прошу прощения, я, кажется, задремал... — Я вскинул брови в натужной попытке поднять вместе с ними и веки, после чего протёр глаза руками и вытащил из кармана чёрных джинсов маленький распечатанный терминалом билет.

— Баранчинская? — пробормотала женщина, смотря в экран своего терминала. — Вам сейчас выходить, не пропустите.

— Да... Спасибо, всего доброго!

— Всего хорошего.

Через мгновение я уже стоял на пустынном полустанке, слушая удаляющийся стук железных колёс разрисованной со всех сторон народными умельцами электрички и снова про себя думая, как так случилось, что ещё позавчера я был перспективным юристом с отглаженным воротничком в центре Москвы, а теперь я безработный паренёк, стоящий в центре какого-то села, сравнимого разве что с Дрезденом после бомбёжки.

Но я быстро отогнал от себя наплыв житейской лирики, и мой взгляд вновь ухватился за очертания Синей горы, возвышающейся над посёлком. Сердце замирало от её вида. Полуплоскую её вершину со смотровой вышкой обвивала змеёй низкая туча, отчего вид становился более мрачным и пугающим.Меня переполняло недоброе чувство, будто кто-то оттуда таращится на меня людоедским взглядом.

Я хмыкнул и бодро тряхнул головой, отгоняя от себя дурацкие мысли: надо меньше глядеть хорроры по ночам и смотреть мистику на Ютубе. Пожалуй, не зря его запретили. С другой стороны, перспектива переходить на RuTube и уж тем более в небезызвестный мессенджер, который ловит даже на парковке, страшнее любой мистики.Я созвонился с хозяйкой квартиры, которую забронировал на время своей поездки, — жить с бабулей в глухомани мне было совсем несподручно, — и уже через минуту сел в такси до центра Баранчинского. Поездка длилась три минуты.

Буквально через полчаса я уже был заселён в маленькую уютную квартирку с типовой советской отделкой. Широкая двуспальная кровать, допотопный ламповый телевизор, ковёр на стене, миниатюрная кухонька — всё, что нужно холостяку на пару дней.

Я сидел на краю кровати, достав небольшую фотографию в рамке. На ней была изображена молодая мансийская девушка с длинными каштановыми волосами, обнимающая белёсого

мальчугана в белой рубашке с бабочкой. Парк Горького, 2003 год. Мне достались её глаза, её лицо. Только теперь я замечал, как мы похожи.

"Ну вот ты и дома, мама..." — прошептал я и поставил фотографию на тумбочку.Мама уехала из этих мест почти сразу же после моего рождения, сбежала в Москву. Я не знаю, почему она избегала этой темы, будто до Москвы у неё и вовсе не было жизни, не было отца, будто и я родился не в этом посёлке, а в Москве. Мне казалось это странным. Лишь один раз пытался я завести разговор о её прошлом, но маму это очень расстроило, почти вызвало истерику, и я больше не стал мучить её. Так она и ушла, не рассказав ничего о нашей семье. Но прошлое имеет свойство напоминать о себе — спросите у курильщиков и алкоголиков. Нет, я и раньше общался с бабулей и даже с отцом по телефону, но это были для меня просто голоса в телефонной трубке, голоса в голове, периодически появляющиеся из ниоткуда. Теперь же я здесь. Там, где родился. От этого у меня перехватывало дыхание.Встретиться с бабулей я должен был только завтра, так что у меня было время прогуляться по посёлку, немного освоиться и, может быть, попить пива.Выйдя из старенького подъезда хрущёвки, до сих пор не обременённого металлической дверью с домофоном, я увидел сидящую на лавочке в тени невысокого тополя бледную, как смерть, старушку. Её изрезанное морщинами квадратное лицо, туго обёрнутое белым платком, было повернуто в мою сторону; огромные выпученные глаза с нездоровой кровожадной краснотой будто бы въедались в мою душу. В руках она держала украшенную резными узорами клюку с набалдашником в виде человекообразной фигуры, которую мой глаз не успел чётко разглядеть.

— Здрасьте!.. — сказал я, пытаясь проявить элементарную вежливость.Старушка лишь съёжилась, пробормотала что-то про себя, насупилась и искривила своё лицо в странной, неестественной гримасе, оголив два последних жёлтых клыка и выпучив глаза так, что, казалось, они вот-вот выпадут из орбит. Очень сложно было назвать это улыбкой, а тем более дружелюбной улыбкой, но, видимо, это была именно она.

Я хмыкнул про себя, еле сдерживаясь, чтобы не покрутить пальцем у виска, и пошёл себе дальше, сунув наушники в уши, наслаждаясь родной для каждой русской души постсоветской хтонью.Дождь продолжал моросить, но с какой-то мягкой материнской нежностью. Маленькие капли словно гладили моё лицо, целовали в щёки и губы. Гулять в такую погоду — это особое тоскливое удовольствие, облагораживающее любое мрачное одиночество.Я брёл по промокшему асфальту, а по бокам от меня плыл типичный пейзаж русской провинции: выцвевшие жёлтые хрущёвки сменялись частными домиками, а где-то — заброшенными и перекошенными древними избами. Тополя были выставлены рядами, как мрачные безмолвные сторожи этой маленькой безнадёги, и только вороны то и дело каркали надо мной, как падальщики, ждущие будущую добычу. То и дело в окнах мелькали чьи-то насторожённые лица, вглядывающиеся в меня, как в неведомого и непонятного им чужака. Люди, злобно хмурясь, провожали меня взглядом до незримых границ своих владений, а затем задёргивали шторы. И только таинственная гора возвышалась над этой серостью, как вулкан, под пеплом которого сгинула вся жизнь в этом посёлке.

Я смотрел на эту гору — в ушах гремел тяжёлый рок — и думалось мне: «А ну его к чёрту! Куплю пива и пойду прямо туда, на вершину этого сраного бугра. Что там может быть такого?» На том я сам с собой сошёлся, пошёл в ближайшую «Пятёрочку», взял пару бутылочек «Гаража» и побрёл вдоль уже пустеющей дороги в сторону Синей горы.Мрак опустился быстро. Я и сам не заметил, как шагал уже по густой тьме, которую, казалось, можно было пощупать руками. Было тихо. Затихли птицы, листья, насекомые, даже листва не шелестела, даже ветер не дул, даже капли не падали с неба. Стало холодно. Я очень быстро ощутил, что моя джинсовая куртка совсем не греет меня, а по телу, будто пауки, ползут мурашки.

Я свернул на еле заметную тропинку у подножия горы, ведущую наверх, и, освещая себе путь фонариком телефона, побрёл к вершине, окружаемый зловещей сворой сгорбившихся

деревьев.Не знаю, сколько я шёл по этой мрачной тишине, но мой путь вдруг оборвало громкое голодное рычание. Я вздрогнул, чувствуя, как у меня разом перехватило дыхание, и судорожно начал искать фонариком источник звука, пятясь в обратную сторону.На тропинку из зарослей вдруг выскочило огромное бесформенное чёрное нечто, рычащее всё громче и громче. Горящие глаза жадно сжирали меня из темноты.

Оно приближалось ко мне. Я отступал. Пытаясь придумать, чем можно защититься, я не нашёл ничего лучше, чем достать из пакета бутылку пива и бросить её в эту тварь. Это ничем не помогло. Чёрная масса всё надвигалась на меня, рыча злее, готовясь к прыжку. Я достал вторую бутылку, собираясь сделать из неё розочку, и направил фонарик в эти горящие глаза. Передо мной стоял огромный чёрный пёс или волк, оскаливший кровавые клыки. Фонарик ослепил его. Он остановился и попятился, что дало мне время броситься бежать.Не знаю, о чём я думал, пытаясь скрыться от хищника на своих двоих, но я бежал со всех ног. Я не думал ни о чём, просто бежал, как антилопа, увидевшая гепарда.По сторонам от меня начали вспыхивать огни, которых я до этого не замечал, и через несколько мгновений я будто врезался в каменную стену и упал навзничь.В свете яркого пламени факела надо мной стоял огромного роста худощавый мужчина. Каждая кость на его теле выпирала, будто стремилась порвать упругую кожу. Глаза его были узкими, почти полностью закрытыми длинными спутавшимися волосами; лицо — вытянутым, как у собаки, злым и хищным. Он смотрел на меня сверху, полностью оголённый. Тело его полностью было изрисовано какими-то древними узорами. Но то были не чернила, а шрамы.

Сердце моё стремилось остановиться в эту же секунду, но стучало только быстрее и громче, наполняя неестественную тишину. Я полз назад, тяжело дыша и озираясь по сторонам в надежде найти хоть какое-то спасение. Но вместо спасения я видел в кустах и среди деревьев, в свете десятков огней, такие же злобные, вытянутые, бледные лица, с жадным голодом уставившиеся на меня. Надежды не оставалось. Надо мной, капая жёлчной слюной, протянулась чёрная морда. Всё померкло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.